

Даже в речи, произнесенной на торжественном собрании С.-Петербургского Славянского Благотворительного Общества в память Достоевского 14 февраля 1881 года, Страхов счел необходимым обратить внимание на характерные, с его точки зрения, недостатки Достоевского-художника — «на неправильную и неясную постройку иных романов (не в целом, которое весьма было стройно и ясно, а в частях)», «на полуфантастическую постановку сцен и отношений между действующими лицами».⁵⁴

Не в восторге Страхов и от последнего романа Достоевского «Братья Карамазовы», хотя и пишет о своеобразной силе Достоевского и читательском успехе: «По обыкновению автора весь роман имеет несколько фантастический колорит, состоящий в том, что события и встречи следуют друг за другом с ненатуральной быстротой и отчасти произвольно, но еще более в том, что все действующие лица исполнены слишком сложных и слишком быстро сменяющихся чувств. Любовь и ненависть, подозрение и вера, радость и отчаяние и т. д. говорят в душе каждого лица почти в одно время; при взаимных сношениях эти лица почти не могли бы понимать друг друга, если бы все не имели равно этого особенного душевного строя. Хотя, таким образом, внутренние и внешние элементы рассказа сочетаются ненормально и, сверх того, беспрерывно повторяются в новых вариациях, но сами по себе эти элементы глубоко реальны, в чем и состоит сила Достоевского и на чем основано было его собственное убеждение в реализме создаваемых им картин. Внутренняя правда душевных движений, которые он выставлял напоказ, неотразимо увлекала читателей, несмотря на все внешние недостатки рассказа».⁵⁵

Осторожный и стремящийся к несколько обтекаемым и почти всегда сбалансированным суждениям, Страхов видит сильные стороны в своеобразном, «фантастическом» реализме Достоевского, но явно предпочитает реалистическое искусство Толстого с культом Простоты, Добра и Правды и даже «нормальный» и поэтический реализм Тургенева в «Записках охотника» и «Отцах и детях».⁵⁶

В значительно большей степени Страхов ценил публицистику Достоевского — особенно «Дневник писателя» и Пушкинскую речь, которой Страхов посвятил немало патетических страниц как в воспоминаниях, так и в других своих сочинениях 80-х годов. В середине 70-х между Достоевским и Страховым возникло очередное и продолжительное охлаждение, о котором критик глухо и туманно пишет в воспоминаниях: «Непобедимая мнительность иногда заставляла его смотреть и на меня, как на человека, имеющего к нему что-то враждебное, недостаточно к нему расположенного, и это очень огорчало меня. „Он несправедлив, — думал я, — он мог бы знать мои чувства и верить в них”. Я старался победить в себе раздражение, вероятно, чересчур самолюбивое, делал некоторые приступы к большему сближению и до последнего времени все мечтал, как о большом благополучии, о возможности восстановить вполне наше прежнее взаимное расположение. Охотно признаю себя виновным, что не вполне сумел и успел в этом; с его стороны, я уверен, было такое же желание».⁵⁷ Извещая Толстого о смерти Достоев-

⁵⁴ Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. Приложения. С. 65.

⁵⁵ Страхов Н. Н. Литературная критика. С. 404—405.

⁵⁶ Страхов-художник испытал сильное влияние Тургенева, о чем убедительно свидетельствует «Последний из идеалистов (Отрывок из ненаписанной повести)» (1866) — вариации на темы «Гамлета Щигровского уезда». Прозаический фрагмент, очевидно, был дорог Страхову: он включил его в книгу «Воспоминания и отрывки».

⁵⁷ Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. С. 317—318.